

*Все реальные герои вымышлены.
Все вымышленные герои реальны.*

*За слова и поступки персонажей
автор не несёт никакой
ответственности.*

ПЕРЕМЕН («КИНО»)

Когда в дверь позвонили, было три часа ночи. Мучаясь бессонницей, я слушала на YouTube лекции обо всём подряд, этике в цифровую эпоху, дигитализации смерти, правовых аспектах освоения Арктики и ранненовоириландских мифологических генеалогиях. На племенах богини Дану я наконец-то задремала. А потом в дверь позвонили. Ещё и ещё раз. Я подумала, что это кто-то из своих, наверное Феликс. Завернувшись в одеяло, отправилась открывать. Но глазок зажали пальцем, и кто стоял на площадке, было не разглядеть.

— Открывайте, — крикнули за дверью.

— Вам кого?

— Вы залили соседей снизу. Открывайте.

Я бросилась в ванную, проверила кран, ощупала пол — сухо.

— Вы ошиблись, — крикнула я, приложив губы к замочной скважине.

— Открывайте!

Я отправила сообщение Феликсу: «Ко мне ломится сосед, говорит, что залила его». Ответ пришёл сразу: «Не открывай, это менты». — «И что делать?» — «Не знаю».

Дверной звонок зазвонил долго, протяжно — кнопку утопили и так держали. Как была, в одеяле, я вышла на балкон. Закурила, чтобы унять дрожь. Под окнами сто-

яли две полицейские машины, поодаль — автозак. «Полиция выламывает дверь, автозак у меня под окнами», — написала я в Facebook, добавив фото.

Сверху упала толстая верёвка, ударила по стеклу. Наверное, из квартиры двумя этажами выше, там жил чиновник Моссовета. Он как-то крикнул мне вслед: «Пятая колонна!», когда моё фото появилось в газете. Мы с Феликсом тогда приковались наручниками к забору Следственного комитета на Бауманской.

Один из полицейских, который пониже, схватил конец верёвки и начал по ней подниматься, упираясь ногами в стену дома.

— Шею не сверните, — крикнула я ему.

— О своей беспокойся.

Я быстро сделала фото для соцсетей. Полицейский попытался прикрыться рукой, едва не сорвавшись. Под первым статусом, несмотря на позднюю ночь, были уже тысячи лайков и бесполезных «держись» и «мы с тобой». Много сообщений пришло в мессенджер. Один из бывших активистов, с которым когда-то начинали вместе, написал: «если решишь уезжать, я тебе помогу, выбирай францию или чехию, там много наших, а в германию лучше не суйся».

На мобильный позвонили с неизвестного номера, и я ответила, не спуская глаз с полицейского — тот тихоньку добрался уже до второго этажа.

— Добрый день, это НТВ.

— Идите в жопу.

Полицейский был уже близко. Прицелившись, я швырнула в него окурком и захлопнула окно. Вернувшись в комнату, запахнула шторы, словно это чем-то могло помочь, и отправилась на кухню, не выпуская из рук телефон. Просыпав кофе на стол, машинально взяла тряпку, но отбросила. Какой смысл наводить порядок,

если вот-вот вломится полиция. Можно начинать поиски новой квартиры, после таких историй меня всегда выселяли, пару дней на сборы — и всё.

Снова зазвонил телефон. Это был Феликс.

— Что там у тебя?

— Менты ползут по верёвке, — я пыталась сказать это задорно, со смехом, но вышло как-то жалобно.

— Выходи из всех аккаунтов, стирай всё. Адвокат приедет, только дай знать, куда тебя увезли. И как всегда, пятьдесят первая — никто не обязан свидетельствовать против самого себя.

Тут раздался звон разбитого окна.

— Ладно, не в первый раз же, да?

— На этот раз всё серьёзно. Лысому взрывчатку подбросили, но он успел меня предупредить. Тимура взяли, Майя с Тетерей через окно сбежали, — сказал Феликс и отключился.

Полицейский через разбитое окно забрался с балкона в комнату, прошагал по квартире, словно у себя дома, и попытался открыть дверь.

— На себя дёрните посильнее, а то замок заедает, — крикнула я ему с кухни, а сама стирала фото и сообщения.

— Угу, пасиб, — он открыл дверь и впустил людей в форме и масках.

В кухню ворвался человек с автоматом наперевес и сбросил меня со стула, уложив лицом вниз. Затем поволол в комнату, где другие уже осматривали разбросанные на столе книги и бумаги. Один из полицейских достал свёрнутые в рулон листы ватмана, которые остались с последней акции. «Нет полицейскому произволу», «Россия — не тюрьма», «Хватит нас убивать», — было написано на них. Другой пытался подобрать пароль к ноутбуку. В коридоре стояли сонные понятые, двое мужчин из тех, что всегда выезжают на такие вызовы. Мне

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВА-ЗОРИНА

даже показалось, что я уже где-то их видела. А впрочем, все они на одно лицо.

— Пароль? — кричал полицейский, размахивая передо мной ноутбуком, но я в ответ только смеялась.

Обыск длился несколько часов. Я лежала на полу, посреди комнаты, держа руки на затылке, и у меня страшно болела спина. Полицейские раскладывали вещи по коробкам из моей же кладовой и диктовали опись понятием, подписывающим листы. Каждый раз, когда я пыталась закрыть глаза, чтобы вздремнуть, полицейский без маски, тот, что первым забрался в квартиру через окно, поддавал ботинком по рёбрам.

— Не спи, сука, глаза открой.

— Я имею право на адвоката. И на звонок.

— Она, блин, думает, что в американском кино снимается, — смеялся он.

Понятые, зевая, стояли, опершись о стену, и со скукой слушали, как полицейский диктует им содержание коробок, которые оперативники одну за другой выносили из квартиры. Ноутбук одна штука, веб-камера одна штука, жёсткий диск на два терабайта одна штука...

— Я вот как думаю, — сказал полицейский, подписывая лист с описью, — если не нравится страна, то вали отсюда, правильно, да?

Остальные не ответили.

* * *

Меня привезли в районный следственный комитет. Старое двухэтажное здание из красного кирпича за высоким решётчатым забором. Полицейский вышвырнул меня из автозака. Руки были сцеплены за спиной наручниками, я не удержала равновесия и растянулась на дороге.

— Пьяная, что ли? — пнул он меня.

У него зазвонил мобильный, и он, понизив голос, про-
бормотал:

— Не могу сейчас говорить. У меня тут политическая.

Меня отвели в тесную комнату без окон, с голыми стенами и высоким, покрытым сырыми разводами потолком. В комнате были только стол и два стула, больше ничего.

— Есть хочу, — сказала я сержанту. — Можно мне пиццу заказать?

Он прицепил меня наручниками к стулу и вышел.

Первое время я ждала, когда кто-нибудь придёт, и прислушивалась к каждому звуку за дверью. Потом попыталась поспать, положив голову на стол. Но уснуть не смогла и чувствовала себя совершенно разбитой. Ныла спина, сильно знобило, хотелось в туалет и курить.

Я не знала, сколько прошло времени — час, два, пять. Без окна невозможно было понять, ещё ночь или уже утро. Дверь открылась, вошёл мужчина в штатском, за ним — другой, в форме.

— Я хочу в туалет.

Следователь, тот, что в штатском, сделал знак второму отвести меня.

Туалет был этажом выше, грязный, тесный, без кабинок. Два треснувших унитаза, протекающий раковина, переполненное мусорное ведро в углу, разбросанная бумага вокруг.

— А наручники? — повернулась я спиной, протянув руки.

Полицейский не пошевелился.

— Как я штаны сниму? — разозлилась я.

Он стоял, поджав губы и уставившись мне куда-то в переносицу. Я попыталась дотянуться до молнии, но ничего не вышло. Полицейский смотрел серьёзно, без тени улыбки.

— Может, ширинку хотя бы расстегнёте мне, раз уж вы так меня боитесь? — сдалась я.

Он снова ничего не ответил. Я ещё раз попыталась дотянуться до молнии, извернувшись, но всё было бессмысленно. Полицейский взял меня за плечо, толкнул вперёд и повёл обратно. Зачем-то прихватил пакет с мусором.

— Если у меня мочевого пузыря лопнет, у тебя, козёл, будут проблемы, — тихо процедила я.

Мы вернулись в ту же комнату без окон. Полицейский остался стоять у дверей, а следователь указал на стул.

— Он не снял с меня наручники, — сказала я. — Я хочу в туалет.

— Ответишь на вопросы, отведём тебя в туалет, — ответил следователь. — В твоих же интересах отвечать быстро и по делу. Если не хочешь обоссаться. — И тут же перешёл на «вы»: — Вы состоите в организации «Левый переворот»?

— Поворот. А не переворот. И это не организация, а страница в Facebook. Арт-полит-активизм, вот и всё.

— О каком перевороте идёт речь? Государственном?

Я отвернулась, не ответив. Полицейский подошёл ко мне и двинул ногой по стулу, давая понять, что отворачиваться не стоит.

— Вы готовили государственный переворот? — с нажимом спросил следователь.

— Вы бредите? Мы левые арт-активисты, ведём группы в соцсетях, ходим на митинги, проводим разные акции.

— Цель вашей организации?

— Мы хотим изменить ситуацию в стране, боремся за гражданские права. В любой цивилизованной стране протесты — это нормальная форма давления на оборзевшую власть.

— Давления на власть, — закивал следователь. — Понятно. А самодельная взрывчатка — тоже нормальная форма давления на власть? В цивилизованной стране?

— У нас мирное движение, а не боевое подразделение. Какая ещё взрывчатка?

— Которая хранилась на балконе у одного из ваших соратников. У Андрея Андреевича Семёнова.

— У Лысого? Да откуда у него взрывчатка? Менты подбросили.

— Кто? — переспросил следователь.

— Менты, — упрямо повторила я.

Очень хотелось в туалет, низ живота сводило от резкой боли, кружилась голова.

— Вы никогда не слышали от Андрея Андреевича разговоров о том, что хорошо бы где-нибудь чего-нибудь взорвать? О том, что он готовит нападение на отделение ФСБ или полиции?

Я фыркнула в ответ.

— А о том, что другой ваш соратник, по кличке Феликс, собирался захватить склад боеприпасов в воинской части? В Электрогорске? Кстати, Феликс — это в честь Дзержинского? Его же на самом деле Алексей зовут?

— Вы бредите, — процедила я. — Феликс продуктовый ларёк захватить не сможет, не то что воинскую часть. Да и как можно захватить воинскую часть без оружия?

— Устроив теракт, например?

Я закатила глаза.

— Расскажите мне что-нибудь о тренировках по стрельбе и спортивному ориентированию?

— Вы о чём вообще?

— О том, как все участники организации «Левый переворот»...

— Поворот! — перебила я.

— ...«Левый переворот» уходили на недели в лес, где проходили боевую подготовку.

— Какую ещё подготовку? В походы мы ходили, на байдарках в Карелии сплавливались. Слушайте, я на самом деле хочу в туалет. Очень хочу. У меня сейчас там всё лопнет, вам это надо?

Следователь пропустил мимо ушей.

— Ты понимаешь, что ты можешь сломать себе жизнь? Тебе замуж надо, детей рожать, а ты хернёй маешься, с террористами связалась. В итоге сядешь на двадцать лет, выйдешь старухой, с туберкулёзом и гепатитом. И всё, вот тебе весь поворот-переворот.

— Что-то я уже запуталась, вы добрый полицейский или злой?

Я устроилась на стуле удобнее, вытянув ноги, чтобы меньше болел вздувшийся живот.

— Впутали тебя дружки в такое дерьмо, что мне тебя искренне жаль, — гнул он своё.

Мне стало обидно: он намекает, будто я какая-то девочка на побегушках. Но это могло быть провокацией, и я стерпела.

— Я хочу в туалет, — сказала я медленно, делая ударение на каждом слове. — Очень хочу.

Но следователь, не ответив, встал, проверил, надёжно ли я пристёгнута, и вышел из комнаты. Стоявший в дверях полицейский взял мусорный пакет, который принёс из туалета, надел его мне на голову и вышел следом.

Я старалась дышать ртом, задыхаясь в пакете, набитом использованной туалетной бумагой, и чувствовала, как липнут к телу мокрые джинсы. Было стыдно и хотелось расплакаться, и от этого было ещё стыднее.

Наконец за мной пришли. Всё тот же полицейский и ещё двое, в форме и чёрных балаклавах. Они сняли пакет, посмотрели на растёкшуюся под стулом лужу и ни-

чего не сказали. Молча повели меня через пустой коридор куда-то вниз по лестнице.

Мы пришли в другую комнату, тоже без окон. Тусклая лампа едва освещала её, бросая чёрные тени, возвышавшиеся надо мной на стене. Там были ещё двое, в резиновых перчатках и тоже в чёрных масках. А в углу, скрестив руки на груди, сутулился следователь. Это было похоже на второсортную, полную штампов постановку о застенках Лубянки.

С меня сняли наручники и приказали раздеться.

— Я хочу видеть адвоката, — сказала я.

— Раздевайся, — крикнули мне. — И ложись на кушетку.

Тут я разглядела кушетку, как в медицинском кабинете. Мне стало по-настоящему страшно.

— Зачем раздеваться? Что вы будете делать?

— Медицинский осмотр, — хмыкнул один из тех, что в перчатках.

— Я ничего не буду делать, пока не увижу адвоката.

Меня окружили, стянули джинсы, свитер и бюстгалтер, уложили на кушетку лицом вниз. Я пыталась кричать, но мне заткнули рот.

Потом перевернули на спину и, вытянув руки и ноги, привязали их по углам кушетки. В психиатрических больницах такое называется «распятием на кресте». Один из мужчин в перчатках достал полевой телефон, размотал провода и прицепил клеммы мне на соски. Следователь стоял с руками за спиной и сосредоточенно смотрел на меня.

— Вы не можете пытаться меня, — крикнула я. — Я пожалуюсь правозащитникам...

Ударило током, и я выгнулась в дугу, ощутив такую боль, словно меня проткнули насквозь. Сначала они ничего не говорили, просто били током, затыкая рот, чтобы